

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 246–255.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
 Vol. no. 1 (104). P. 246–255.

Научная статья

УДК 343.14

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.51.38.022

**О ШИРОКОМ И УЗКОМ ПОДХОДАХ
 К ПОНИМАНИЮ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ
 В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Россинский Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва,
 Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com

Введение: целью исследования стало изучение сущности и рассмотрению системы средств уголовно-процессуального доказывания, то есть полезных активов, подлежащих использованию для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обоснования позиций сторон и правоприменительных решений.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались общенаучные методы (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание) и специальные методы юридической науки, в том числе историко-правовой и формально-юридической.

Результаты исследования позволили аргументируется приоритет узкого доктринального подхода к пониманию средств доказывания, а также раскрыть присущие ему шероховатости.

Выводы и заключения: отмечается первостепенное значение доказательств как важнейших средств уголовно-процессуального доказывания, основанных на восприятии материальных и идеальных следов-отображений объективной реальности. Наряду с этим раскрывается роль формальных средств доказывания: презумпций, преюдициальных, общеизвестных, неторных и других фактов. Особое внимание уделяется так называемым субъективным средствам доказывания: общеизвестным и юридическим познаниям, правосознанию, правопониманию, правовой культуре, чувству профессиональной ответственности, нравственности, совести, профессиональному и жизненному опыту. И, наконец, высказывается предположение о существовании еще одной группы полезных ресурсов – так называемых справочно-вспомогательных средств доказывания.

Ключевые слова: доказательства; доказывание; обоснованность уголовно-процессуальных решений; средства доказывания; формальные средства доказывания.

Для цитирования: Россинский С. Б. О широком и узком подходах к пониманию средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 1 (104). С. 246–255.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.51.38.022

Original article

**THE BROAD AND NARROW APPROACHES
TO THE UNDERSTANDING OF MEANS OF PROOF
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
s.rossinskiy@gmail.com

Introduction: the purpose of the study was to examine the essence and examine the system of means of criminal procedure, i.e. useful assets to be used to establish the circumstances relevant to the criminal case and to substantiate the positions of the parties and law enforcement decisions.

Materials and Methods: general scientific methods (analysis, observation, generalisation, comparison, description) and special methods of legal science, including historical-legal and formal-legal methods, were used in preparing the article.

The Results of the Study allowed to reveal the priority of the narrow doctrinal approach to understanding the means of proof is argued, and its inherent roughness is revealed

Findings and Conclusions: the paramount importance of evidence is noted as the most important means of criminal procedural proof, based on the perception of material and ideal traces-images of objective reality. Along with this, the role of formal means of proof is revealed: presumptions, prejudicial, well-known, notorious and other facts. Particular attention is paid to the so-called subjective means of proof: well-known and legal knowledge, legal awareness, legal understanding, legal culture, sense of professional responsibility, morality, conscience, professional and life experience. And, finally, it is suggested that there is another group of useful resources - the so-called reference and auxiliary means of proof.

Keywords: evidence; proof; validity of criminal procedural decisions; means of proof; formal means of proof.

For citation: Rossinsky S. B. O širokom i uzkom podhodah k ponimaniju sredstv dokazyvaniya v ugovolnom sudoproizvodstve [The broad and narrow approaches to the understanding of means of proof in criminal proceedings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 1 (104), pp. 246–255.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.51.38.022

На общем фоне множества проблем, традиционно присущих научному и нормативно-правовому обеспечению уголовно-процессуальной деятельности, наибольшей актуальностью всегда характеризовались и продолжают характеризоваться различные аспекты доказывания, как сложного и комплекса познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций, направленных на установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, а также на обоснование позиций сторон и правоприменительных актов органов предварительного расследования либо суда. Дискуссии по этому поводу ведутся уже много лет. А большинство из них, несмотря на пристальное внимание со стороны ученых, остаются незавершенными.

В частности, в теории уголовного процесса даже не выработана какая-либо единодушная позиция о сущности средств уголовно-процессуального доказывания. Авторы сходятся только в самом поверхностном, буквальном понимании этого феномена – как неких

инструментов, подлежащих использованию для нужд доказывания. В остальном их взгляды, предполагают множество вариативных позиций, отличающихся друг от друга различными оттенками.

Вместе с тем вытекающие из соответствующих публикаций научные воззрения все-таки поддаются некоторой систематизации. По крайней мере, условно их можно разделить на два укрупненных подхода: широкий и узкий.

Адепты широкого подхода обычно относили и продолжают относить к средствам доказывания: а) некие имеющие отношение к предмету доказывания информационные активы, главным образом, сами доказательства и (или) их источники; б) процессуальные приемы, связанные с накоплением (собираем), исследованием и проверкой указанных активов, то есть следственные и судебные действия, судебные экспертизы и пр. Например, Ф.Н. Фаткуллин считал средствами доказывания как сами фактические данные, так и способы их восприятия и фиксации судьями, прокурорами, следователями, дознавателями [1, с. 91]. Л.Д. Кокорев, апеллируя к положениям действовавшего на тот момент законодательства, с одной стороны, понимал под ними (средствами доказывания) источники фактических данных, а с другой – осуществляемые для поиска истины следственные и судебные действия [2, с. 202]. Похожие взгляды встречаются и в более поздних работах. В частности, З. З. Зинатуллин рассматривает средства доказывания как категорию, охватывающую и сами доказательства, и их источники, и предусмотренные законом способы их получения [3, с. 145]. Примерно эту же точку зрения высказывает и еще один современный автор – И. А. Грудинин [4, с. 13].

Однако, такой подход не вполне удачен. Он размывает содержание средств доказывания, фактически отождествляя их совокупность со всей системой уголовно-процессуального регулирования за исключением отдельных действий, не связанных с доказыванием, а имеющих иное предназначение.

Кроме того, нельзя забывать, что современные доктринальные представления о доказывании вообще не ограничиваются пониманием этого процесса как особой разновидности познания окружающей реальности. В подавляющем большинстве публикаций доказывание рассматривается как многогранная и многоаспектная система, предполагающая как накопление, так и умственную обработку полезных сведений, то есть включающая познавательно-установочные приемы и аргументационно-логические операции, позволяющие устанавливать необходимый круг имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и на их основе выносить законные, обоснованные и разумные (справедливые) правоприменительные решения [5, с. 84]. Тогда как сторонники широкого подхода, относя к таким средствам различные процессуальные и другие приемы, обеспечивающие накопление (собираем), исследование и проверку информационных активов, почему-то игнорируют существование второго, аргументационно-логического компонента доказывания, предполагающего умственную обработку полученных сведений, а также доведение позиций сторон до субъектов правоприменения. Исходя из подобного понимания средств доказывания, наряду со следственным и судебными действиями, судебными экспертизами и т.д. к ним надлежало бы отнести прения сторон, обжалование, направление возражений, оценку доказательств, обдумывание дознавателем, следователем, судьей подлежащих вынесению правоприменительных актов, в том числе совещание суда перед постановлением приговора и т.д. – все эти действия также способствуют достижению целей доказывания. Тем более, что некоторые ратовавшие за широкий подход авторы, фактически вступая в диссонанс с самими собой, одновременно писали об этапе обоснования решений как об одном из обязательных и необходимых компонентов доказывания [2, с. 208; 1, с. 8].

Конечно было бы не совсем корректным упрекать советских классиков в подобных промахах и противоречиях. В конце концов, они во многом исходили из модной в те годы кибернетической (информационной) теории, предполагающей ряд выявленных гораздо позднее недостатков – полное игнорирование аргументационно-логического компонента доказывания, отрицание роли доказательственных фактов и сведение всей деятельности по установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств к информационному процессу [6, с. 62]. К тому же, если внимательно ознакомиться с содержанием соответствующих работ, становится понятно, что, указанные авторы, упоминали о средствах доказывания как бы вскользь, сильно не углубляясь в рассмотрение и осмысление подлинной сущности этого процессуального феномена.

Гораздо большее недоумение вызывают некоторые современные публикации, авторы которых, по всей вероятности, не желая глубоко погружаться в поднимаемые научные проблемы, принимая за основу широкий подход к пониманию средств доказывания, тоже забывают как о мыслительных операциях, направленных на обоснование правоприменительных решений, так и о формах процессуального поведения, позволяющих участникам уголовного судопроизводства доводить свои позиции до адресата, в первую очередь суда. Ввиду усиления состязательных начал уголовного судопроизводства, предполагающих более активную роль сторон в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, подобная «забывчивость» выглядит достаточно странной. Хотя существуют и приятные исключения. Например, один из сторонников широкого подхода – вышеупомянутый И. А. Грудинин – включает в систему средств доказывания индивидуальную мыслительную деятельность, рассматривая ее как некий двигатель общего механизма установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств [4, с. 15].

Тогда как самой неудачной на этом фоне представляется позиция В. Ю. Стельмаха, относящего к средствам доказывания только сами действия, предполагающие сбор доказательственных сведений: процессуальные и проверочные действия, оперативно-разыскные мероприятия, формы представления предметов и документов невластными субъектами уголовного судопроизводства, а также познавательные приемы, отнесенные к иным направлениям правоприменительной практики [7, с. 18–19]. Иными словами, автор применяет указанный подход в несколько усеченном варианте, исключает из системы средств доказывания даже сами доказательства, чем полностью обесценивает значение, в первую очередь аргументационно-логический потенциал, накапливаемых активов, то есть, по сути, отождествляет доказывание не более чем с техническим сбором исходного материала.

Поэтому большую доктринальную распространенность все же приобрел иной, узкий подход к пониманию средств доказывания. Его сторонники считали и продолжают считать таковыми лишь сами информационные активы, подлежащие использованию для установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснования приговоров или иных правоприменительных актов. Причем в качестве основных, важнейших средств доказывания назывались и продолжают называться именно доказательства, то есть предусмотренные процессуальным законом относимые, допустимые и достоверные сведения (в более ранних публикациях – фактические данные), либо, как вариант, источники таких сведений (фактических данных).

Так, М. С. Строгович и В. М. Галкин писали о средствах доказывания как об акцессорном, резервном наименовании доказательств, то есть как об носителях полезных сведений, способствующих установлению обстоятельств, имеющих значения для уголовного дела [8, с. 6; 9, с. 290]. В.Я. Дорохов, будучи одним из авторов известной коллективной монографии по теории

доказательств в советском уголовном процессе, тоже обращал внимание на идентичность, тождественность категорий «доказательства» и «средства доказывания» [10, с. 212–213]. Близкие позиции содержатся и в ряде других публикаций [11, с. 154–155; 12, с. 25 и др.].

Подобный подход представляется более правильным и перспективным. Он предполагает автономность средств доказывания, выделяет их из всего массива других объектов уголовно-процессуального регулирования, придает им большую определенность, более четкий смысл. Кстати, приемлемость использования такого подхода косвенно подтверждается законодателем, но не в УПК РФ, а в положениях другого источника процессуального права – Гражданского процессуального кодекса РФ, регламентирующего схожий с уголовным процессом порядок установления юридических фактов [13, с. 23]. В ст. 60 ГПК РФ отмечается, что «обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами».

Вместе с тем указанный подход тоже не лишен отдельных недостатков. В частности, как уже отмечалось выше, в подавляющем количестве монографий, статей, диссертаций под средствами доказывания в подобном узком истолковании понимаются лишь сами доказательства. Другими словами, совокупность этих средств ограничивается лишь информационными активами, прямо предусмотренными ч. 2 ст. 74 УПК РФ (в более ранних публикациях – соответствующими положениями прежних Кодексов)

Согласиться с указанной точкой зрения достаточно сложно. Доказательства – действительно основные, в определенном смысле важнейшие, вне всяких сомнений, наиболее известные и «раскрученные» средства уголовно-процессуального доказывания. По всей вероятности, именно поэтому они и являются объектом столь пристального внимания ученых, а связанные с ними доктринальные, нормативно-правовые и практические проблемы – предметом многочисленных научных исследований и хорошей почвой для множества споров и дискуссий.

Однако, подобная популярность доказательств вовсе не подразумевает их исключительности, их единственности для использования в качестве средств доказывания. Ведь, по своей сути, уголовно-процессуальные доказательства являются не более чем «следовыми» средствами доказывания. Они представляют собой информационные продукты, предопределенные «следами преступления», то есть возникающими ввиду способности материи к отражению следами-отображениями (следами в широком смысле) – материальными или идеальными объектами ретроспективного познания, появляющимися и изменяющимися под воздействием различных фрагментов объективной реальности: как юридических фактов, непосредственно входящих в предмет доказывания, так и связанных с ними предшествующих, сопутствующих либо последующих обстоятельств.

Тогда как современное уголовно-процессуальное законодательство позволяет, а иногда и прямо предписывает использовать для обоснования правоприменительных решений принципиально другие, как бы «неследовые» средства, обязанные своим возникновением не способности материи к отражению, а другим причинам. В частности, предусматривается возможность прибегать к помощи так называемых формальных средств доказывания – неких полезных ресурсов, не возникающих в ходе восприятия и фиксации «следов преступления», а «принимаемых на веру», то есть приобретающих способность к использованию в уголовном процессе на основании общепризнанности, неоспоримости и (или) прямого указания в законе. Существование таких ресурсов обуславливается свойственными современному обществу социально-правовыми, в том числе «судебными», ценностями, а также хорошо апробированными и неоднократно подтвержденными результатами многолетних наблюдений и исследований окружающей реальности. На сегодняшний день в силу ряда причин наибольшую известность среди формальных средств уголовно-процессуального доказывания получили презумпции и

преюдиции. В ряде публикаций перечень формальных средств доказывания вполне справедливо дополняется другими аргументационными ресурсами. Так, в работах А.В. Смирнова помимо презумпций и преюдиций в качестве таковых рассматриваются: а) ноторные факты (от лат. *nota* – буква) – сведения, вытекающие из общедоступных источников: справочников, календаря, и т.п.; б) юридические фикции – факты, схожие по правовой природе с презумпциями, но отличающиеся от них принципиальной невозможностью опровержения; в) доказательственные субституции – особые правовые конструкции, предполагающие замену одного юридического факта другим [14, с. 210, 220, 226].

Кроме того, не стоит игнорировать и потенциал так называемых субъективных средств доказывания: общеизвестных и юридических познаний, правосознания, правопонимания, правовой культуры, профессионального и жизненного опыта. Ведь и сами доказательства, и подавляющее большинство формальных средств доказывания характеризуются внешним источником происхождения, то есть поступают к соответствующему субъекту извне, посредством умелого использования способностей познания объективной реальности, обеспечивающего возможность накопления соответствующих сведений. Например, доказательства обязаны своим возникновением непосредственному или опосредованному (производному) процессуальному взаимодействию дознавателя, следователя, суда с материальными либо идеальными следами-отображениями. Работа с формальными средствами доказывания, как правило, тоже (хотя и не всегда!) сопряжена с изучением каких-либо внешних источников – преюдициальных судебных актов, календарей, справочников и т.д.

Вместе с тем для надлежащего проведения умственных операций, построения умозаключений, формулирования соответствующих позиций, обоснования приговоров и прочих правоприменительных актов одних только внешних аргументационных ресурсов явно недостаточно. Помимо них необходимы и принципиально другие доводы, аргументы, силлогистические посылки – ресурсы, предполагающие субъективный источник происхождения, predeterminedенные взаимодействием субъекта доказывания с собственным «Я», его обращением, к «внутреннему голосу», то есть к своим знаниям, право- и жизнепониманию, опыту, другим позитивным свойствам личности, позволяющим правильно обработать накопленные сведения, оценить относимость, допустимость и достоверность каждого из них в отдельности, а также их совокупную достаточность, на основании которой сформулировать определенную правовую позицию и (или) принять определенное процессуальное решение.

Формирование судейского убеждения, писал известный ученый-процессуалист Ю. М. Грошевой, – это не просто результат влияния совокупности доказательств на сознание судьи. Не соглашаясь со своими коллегами, он совершенно справедливо отрицал возможность примитивного понимания такого убеждения – как простого впечатления от исследованных доказательств. Одновременно автор обращал внимание на зависимость принимаемых решений от уровня правосознания судей, их ценностных ориентиров, психологических особенностей личности и других внутренних факторов [15, с. 24–25]. Схожую позицию ранее занимали дореволюционные процессуалисты В. Д. Спасович и И. Я. Фойницкий. Первый говорил о двух основных источниках судейского познания: опыте и разуме [16, с. 6], а второй – о обусловленности доводов и аргументов (в терминологии тех лет – больших посылок) наличным запасом опыта и приобретенными знаниями [17, с. 194].

Вообще подобные субъективные ресурсы в той или иной степени присущи каждому разумному человеку (*homo sapiens*), хотя их качество и содержание сугубо индивидуальны, поскольку зависят от целого ряда факторов, сопутствующих формированию и развитию личности. Именно такие ресурсы создают условия и ориентиры для рационального мышления как одной из высших психических функций, отличающих людей от иных представителей земной фауны, в частности от человекообразных приматов, кстати, тоже вполне способных к

«техническому» восприятию внешних источников информации. Будучи накопленными посредством процессуальных действий либо иных способов познания объективной реальности, доказательства и формальные средства доказывания соотносятся в сознании субъекта доказывания с субъективными аргументационными ресурсами, вступают с ними в своеобразную мыслительную реакцию, в логическое взаимодействие, в результате чего выстраиваются умозаключения и формулируются позиции, составляющие основу процессуальных решений либо подлежащие доведению сторонами до правоприменителей в целях оказания влияния на принятие таких решений.

Весьма примечательно, что на использовании в доказывании подобных ресурсов настаивает и законодатель, прямо предписывая судьям, присяжным заседателям, прокурорам, следователям и дознавателям формировать свое внутреннее убеждение на основе совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться при этом именно законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). По всей вероятности, под знанием закона (читай – надлежащим уровнем юридической грамотности) и совестью в данном случае как раз и понимаются субъективные средства, подлежащие использованию в ходе обоснования правоприменительных решений.

Хотя справедливости ради все же следует обратить внимание на некоторую неразумность и ограниченность такого нормативного предписания, не учитывающего всех полезных качеств и свойств и личности, влияющих на внутреннее убеждение правоприменителя как на основной инструмент оценки средств доказывания. В частности, нельзя поддержать законодателя в стремлении сделать упор именно на совесть дознавателя, следователя, прокурора, судьи, то есть на чувство их нравственной ответственности за свое поведение. Скорее стоит согласиться с Ю.К. Орловым, утверждавшим о неприемлемости полного исключения из числа инструментов оценки доказательств ранее предусмотренного законом правосознания (ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.). Предлагая компромиссный вариант решения возникшей проблемы, предполагающий нормативное закрепление обоих субъективных ресурсов – и совести, и правосознания, – автор совершенно справедливо писал об оценке доказательств как о весьма далекой от нравственности логической деятельности, прежде всего, опирающейся на надлежащее понимание закона [6, 124–125]. В этой связи представляется, что если совесть и оказывает решающее влияние на содержание правоприменительных решений, то лишь в части работы присяжных заседателей – судей факта, непрофессиональных субъектов доказывания, во-многом прислушивающихся именно к своему опыту, жизнепониманию и нравственным установкам. Тогда как судьям, прокурорам, следователям, дознавателям помимо совести надлежит обращаться и к другим внутренним ресурсам, в первую очередь, предопределенным наличием юридического образования.

С учетом всего вышеизложенного субъективными средствами уголовно-процессуального доказывания можно признать следующие полезные ресурсы, подлежащие использованию в ходе умственной обработки накопленных сведений, имеющих прямое либо косвенное отношение к уголовному делу:

- а) глубокие юридические познания;
- б) общеизвестные, в том числе обыденные знания;
- в) качества, формируемые и вырабатываемые в результате надлежащего правового воспитания юриста, в частности правовую культуру, правосознание, правопонимание, чувство профессиональной ответственности, правовую нравственность и совесть;
- г) профессиональный и жизненный опыт – полезные ресурсы, обуславливающие так называемый здравый смысл, влияющий на выбор наиболее рациональной и разумной позиции в сложившейся ситуации.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного под средствами уголовно-процессуального доказывания надлежит понимать прямо предусмотренные законом либо вытекающие из его смысла, предрасположенные к использованию в качестве логических аргументов, доводов, силлогистических посылок полезные ресурсы, позволяющие дознавателю, следователю, суду устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам – пытаться влиять на характер и содержание таких решений. Тогда как различные познавательные-удостоверительные действия, осуществляемые в целях накопления доказательственной информации, а также приемы, позволяющие сторонам доводить свои позиции до субъектов правоприменения, намного правильнее называть не средствами, а способами доказывания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фаткуллин, Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. 206 с.
2. Горский, Г. Ф., Кокорев, Л. Д., Элькинд, П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. 303 с.
3. Зинатуллин, З. З., Егорова, Т. З., Зинатуллин, Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы. Ижевск: Детектив-Информ, 2002. 228 с.
4. Грудинин, И. А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2012. 26 с.
5. Россинский, С. Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80–87.
6. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 174 с.
7. Стельмах, В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. 522 с.
8. Галкин, В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч.1 М.: ЦНИИСЭ, 1967. 50 с.
9. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. М.: Наука, 1968. 470 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
11. Зажицкий, В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. 439 с.
12. Карнеева, Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. 44 с.
13. Расулова, Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2022. 237 с.
14. Смирнов, А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М.: Норма, 2019. 240 с.
15. Грошевой, Ю. М. Проблемы формирования судьейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, Вища школа, 1975. 144 с.
16. Спасович, В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судопроизводством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. 93 с.

17. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2 / под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.

REFERENCES

1. Fatkullin F.N. Obshhie problemy processual'nogo dokazyvaniya [General problems of procedural proof]. Kazan, 1976, 206 p.
2. Gorskiy G.F., Kokorev L.D., Elkind P.S. Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe [Problems of evidence in the Soviet criminal process]. Voronezh, 1978, 303 p.
3. Zinatullin Z.Z., Egorova T.Z., Zinatullin T.Z. Ugolovno-processual'noe dokazyvanie: konceptual'nye osnovy [Criminal Procedural Evidence: Conceptual Foundations]. Izhevsk, 2002, 228 p.
4. Grudinin I.A. Sredstva dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: sistema, sodержanie, gnoseologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Means of proof in criminal proceedings: system, content, epistemological aspects]. Yekaterinburg, 2012, 26 p.
5. Rossinskiy S.B. Dokazyvanie po ugolovnomu delu: poznanie ili obosnovanie? [Evidence in a criminal case: knowledge or justification?]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020, no. 5, pp. 80–87.
6. Orlov Yu. K. Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom processe [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow, 2009, 174 p.
7. Stelmakh V.Yu. Sistema sredstv dokazyvaniya v dosudebnyh stadiyah ugolovnoogo processa: problemy teorii, normativnogo regulirovaniya i praktiki [The system of means of proof in the pre-trial stages of the criminal process: problems of theory, regulation and practice]. Yekaterinburg, 2021, 522 p.
8. Galkin V.M. Sredstva dokazyvaniya v ugolovnom processe [Means of proof in criminal proceedings]. Moscow, 1967, 50 p.
9. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnoogo processa [The course of the Soviet criminal process]. Moscow, 1968, 470 p.
10. Zhogin N.V. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe [Theory of evidence in the Soviet criminal process]. Moscow, 1973, 736 p.
11. Zazhitskiy V.I. Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK RF [Evidence and proof under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. St. Petersburg, 2015, 439 p.
12. Karneeva L.M. Dokazatel'stva i dokazyvanie pri proizvodstve rassledovaniya [Evidence and proof in the course of an investigation]. Gorky, 1977, 44 p.
13. Rasulova N.S. Zakljuchenie specialista kak sredstvo dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve [The conclusion of a specialist as a means of proof in criminal proceedings]. Moscow, 2022, 237 p.
14. Smirnov A.V. Formal'nye sredstva dokazyvaniya v ugolovnom prave i processe [Formal means of proof in criminal law and process. Moscow, 2019. 240 p.
15. Groshevoy Yu.M. Problemy formirovaniya sudejskogo ubezhdeniya v ugolovnom sudoproizvodstve [Problems of formation of judicial conviction in criminal proceedings]. Kharkov, 1975, 144 p.
16. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovnyh dokazatel'stv v svyazi s sudoustrojstvom i sudoproizvodstvom [On the theory of forensic criminal evidence in connection with the judiciary and legal proceedings]. Moscow, 2001, 93 p.
17. Foinitskiy I.Ya. Kurs ugolovnoogo sudoproizvodstva [Course of criminal justice]. St. Petersburg, 1996, 607 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Laws, associate professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 03.03.2023.